

9. Рычагов И. С. Герменевтика в контексте современной политической науки / И. С. Рычагов // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2004. – Т. 1. – С. 118–124.

ЭЛИТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Т.В. Евдокимова
(Россия, Волгоград)

Аннотация. Впервые в российской историографии исследуется проблема изучения германскими историками специфики национальной элиты на различных этапах развития государства и общества. Выявлены причины преобладания теоретических исследований по элитам над эмпирически-описательными, показаны новые подходы германских ученых к этой проблеме в настоящее время. В работе используется междисциплинарный подход.

Annotation. The author investigates the problem of distinctive characteristics of the national elite by the German historians on different stages the reasons of state and social development for the first time in the Russian historiography. The author states the reasons of prevailing of theoretical works over the empiric-descriptive ones. The investigation shows the new approaches by the German scholars towards this problem on the boundary of the two centuries. The research is carried out on the basis of interdisciplinary approach.

Ключевые слова: германские историки, германская элита, политическая элита, веймарская Германия, аристократия, «фюрунгсшихтен», «фюрунгсgruppen», междисциплинарный подход.

Key words: Germans historians, German elite, aristocracy, Führungsschichten, Führungsgruppen, interdisciplinary approach.

Изучение элит в Германии прошло сложный путь познания. Если учитывать, что с конца XIX в. учения об элитах стали предметом идеологического и научного спора (Моска, Парето, Сорель, Михельс), то можно предположить, что, наряду с признанными учениями, должны были появиться и эмпирически-описательные [9, с. 203]. Однако данная тенденция не характерна для Германии.

Дело в том, что сам термин «элита» импортировали в Германию из французского языка конца XVIII в., но затем он исчез. Между 1900 и 1945 г. существовало понятие «Adel» (дворянство, знать, аристократия), а не «элита». Доминирующей моделью в Германии на протяжении 40 лет стала концепция «элиты» как “Kulturträger” (носитель культуры), т.е. как представителя исключительно духовной жизни. По мнению ученого Райтмайера, «для умов немецкоговорящих авторов Веймарского периода понятие “элита” ... не представляло вызова», т.е. оно не рассматривалось в качестве «руководящего мыслительного перекрестка» при определении будущего общественного устройства [15, с. 383]. В противовес таким понятиям, как «массовое общество», «классовое общество», предпочитали использовать такие категории, как “Herrenrasse” («раса господ»), “Adelrasse” («раса знати»), а в дискуссии по реформе положения аристократии на первом месте находились не понятия «сословие», «корпорация», а «фюрер». Аристократ как «вождь» становится политическим понятием.

«Вопрос об элитах в Германии после 1945 г. долгое время являлся табуизированным». Объективно и открыто говорить об элитах во главе общества и о целенаправленном образовании элит в Германии запрещалось. Это было связано с тем, что неудача основных общественных слоев в Веймарской республике и их тесная связь с третьим рейхом сделали после Второй мировой войны это понятие сомнительным. Элитарные мысли нацистов о расе господ дискредитировали данное понятие [19, с. 7]. «В Германии понятие элита после окончания Второй мировой войны еще долго оставалось после себя горький привкус». Опыт господства национал-социалистической системы с гипертрофией культа фюрера осложнял оценочно нейтральный переход к теориям элит.

В ГДР исследования фюрунгсшихтен и элит не имели системы и являлись немногочисленными, так как они фиксировали свое внимание исключительно «на сращивания интересов капиталистических монополий с представителями общественных и политических кругов», как это четко показано в диссертации Хайнца Зоннтага из Лейпцига [16]. Поскольку ученые ГДР понятие «элита» в историческом плане считали связанным с буржуазными теориями господства Моска, Парето, Сорелем, Михельсом и др., было введено новое понятие. «Элита» в социалистическом понимании употреблялась в значении «кадры». Кто собственно понимался под элитой в ГДР, понятно из следующего положения: «Партия – руководящая сила и находится во главе всей общественной жизни республики» [8, с. 3]. Таким образом, партийная элита понималась как элита всего общества, и поэтому рядом не было никаких других элит, никакой другой ее части [17].

В 1950-х гг. ученые ФРГ, следуя заявленным социально-психологическим демократическим традициям, стремились не затрагивать эту проблему («жеманились приблизиться к сильному миру сего», по выражению Х. Хофмана). Книги Курта Прицкколяйта [12], имевшие скорее публицистический характер, получили в то время широкое распространение, но были оценены как неприличные, так как содержали много ошибок и спорных суждений. При рассмотрении темы фюрунгсшихтен или элит в научном плане господствовал абстрактный, теоретический подход. Больше писали в теоретическом плане об учениях элит и о теориях элит, чем эмпирически исследовали конкретные элиты. Возникало представление, что исследователи при определении дефиниции «элита» занимались «мыслительной акробатикой»: как лучше назвать, определить, оценить элиты и все, что с ними связано [9, с. 207]. В связи с этим примечательным являлось заявление Акселя Зееберга на заседании общества Ранке 1957 г.: «Я должен начать с того, что отказываюсь дать вам точное определение понятия элиты. Я сомневаюсь, можно ли вообще дать такое определение в смысле химически чистой формулы. Сегодня под этим общим понятием имеется в виду столь много проявлений, что нелегко определить его понятия» [3, с. 9].

Трудно представить дальнейшую дискуссию об элитах без заседания общества Ранке 1957 г. по теме «Фюрунгсшихтен и проблемы элит» [10] и 15-ти бесед по теме «Германские фюрунгсшихтен в новое время» в Бюдингере [4]. Примечательно, что вышесказанные слова, произнесенные Акселем Зеебергом в 1957, в дальнейшем неоднократно цитировались германскими исследователями в связи со сложностью определения дефиниции.

Интересно, что даже девятитомное издание «Исторические основные понятия», появившееся в Германии между 1974 и 1997 г. и принадлежавшее к центральным специальным энциклопедиям, не знает такого ключевого слова, как элита [2]. В многотомном издании оно использовалось в смысловом значении только в докладе о знати, аристократии (7 раз). Такая взаимосвязь вполне объяснима: аристократия являлась признанной элитой со времен Античности и оставалась ею вплоть до революции. Споры возникали потому, что определение элиты существенно зависело от временных обстоятельств и должно было соответствовать конкретным условиям. Неограниченная вневременная дефиниция «элита» обречена на многозначность, вызывающую смысловые несостыковки [7, с. 29].

Достаточно долго германские исследователи предпочитали употреблять понятия «фюрунгсшихтен» («руководящие слои»), что, с марксистской точки зрения, соответствовало понятию «господствующий класс») и «фюрунгсгруппе» («руководящие группы», под которыми понимались «обладатели главных позиций общественно-функциональных субсистем, например, в области политики, экономики, культуры») [4, 203 ff.]. Иногда эти понятия идентифицировались с понятием элита [4; 15]. Затем понятие «элита» стало включать в себя широкий спектр определений (властная, функциональная, духовная [19, 7 ff.] и др.). Думается, что данный подход можно считать целесообразным, так как процесс общественного разделения труда и специализации в конце XIX–XX вв. в условиях демократизации пережил значительную эволюцию.

Исторический подход к изучению германской элиты частично наблюдался в конце 1950 – начале 1960-е гг. Он стимулировался в рамках большого американского проекта RADIR (Revolution and the Development of International Relations). Среди германских исследователей, которые занимались этими проблемами, можно назвать представителей Тюбингского кружка вокруг Вильгельма Цапфа и Ральфа Дарендорфа. Они изучали исторические процессы развития германских правящих слоев с конца эпохи Вильгельма II до середины 1960-х гг. Главным вопросом являлось выяснение вклада определенных общественно-политических правящих групп, “Führungsgruppen”, в дестабилизацию Веймарской республики и их роли в приходе нацистов к власти. В. Цапф уделял главное внимание циркуляции элит [20].

Конечно, генеалогическая социология, историческая просопография, исторические исследования мобильности дали толчок во всех областях исторических и социальных наук, однако в конце 1960-х гг. волна демократизации и распространившееся движение против истэблишмента похоронило попытки непредвзято рассмотреть роль элит. В годы студенческих движений последние признаки элитарного достоинства и величия была потеряны. «Элиты сделались покорными и стали упражняться в роли чрезвычайно скромных и незаметных функционеров» [19, с. 8].

С революцией 1968 г. начались дискуссии о преодолении прошлого, которые привели к дебатам о вине и ответственности Германии в мировых войнах. В связи с этим в 1969 г. появилось расширенное издание доклада Ф. Фишера, прочитанного на XXXII собрании германских историков, под названием «Союз элит» по теме континуитета властных структур в Германии с 1871 по 1945 г. В своей монографии Ф. Фишер указал на наличие двух линий преемственности, непрерывности в германской истории, которые он проследил с момента образования второго рейха до падения третьего. Одна, старая, линия продолжала федеративные традиции старого рейха и германского союза и восприняла либерально-демократические идеи во время революции 1848 г.; другая, молодая, возникла в 1866–1871 г., в период войн за объединение Германии. В военно-политическом плане она брала свои истоки, прежде всего, от монархически-бюрократической Пруссии и в дальнейшем должна была развиваться в так называемый зондервег, особый путь развития Германии, отличный от демократического варианта развития других ведущих западных стран, синхронного с процессом индустриализации [6, с. 7]. Идея зондервега и союза традиционных элит, фактически оставшихся у власти в Веймарской республике, с нацистами оказала огромное влияние на исторические исследования в целом, вплоть до начала 1990-х гг. Но несмотря на дискуссию о «зондервеге» германские элиты не ставились в центр исторического исследования.

Ожидания, связанные с изучением элит социальными науками, не оправдались. Хотя IPSA (International Political Science Association) имел исследовательский комитет, который занимался исследованиями политических элит, германские политологи лишь в 1977 г. предприняли попытку в октябре 1977 г. на научном конгрессе в Бонне создать рабочий кружок, состоявший из нескольких специалистов во главе с Рудольфом Вильденманом из Мангейма и Отто Штаммером из Берлина. В немецкой социологии эмпирические исследования по проблемам элит были также достаточно малочисленными [1] по сравнению с Западом.

В 1990-е гг. после долгой фазы затишья, в условиях объединенной Германии, исследование элит вызвало новую конъюнктурную волну. Вопрос об элитах стал предметом широких общественных дебатов. Казалось, что элиты превратились носителей надежд и ключевых акторов по преодолению общественных переломов. Основанием этого стал надпартийно проводимый, непринужденный общественный дискурс, в котором на элиты и образование элит стали возлагаться большие надежды. Среди германских исследователей появились как скептики, сомневавшиеся в демократическом характере элит, так и оптимисты, смотревшие с надеждой на трансформацию элит, что и нашло отражение в ряде социологических и политологических исследований.

Главные выводы, к которым пришли германские исследователи при анализе германских элит имперского периода следующие:

1) для общественных структур в Германии с ранних времен до падения вильгельмовского рейха была характерна сила инерции, обусловленные такими событиями, как контрреформация, религиозные войны, наполеоновские войны, революция 1848 г.;

2) по сравнению с Западной Европой дворянство как политический фюрингсшихт обладало высокими жизненными способностями. До 1848 г. оно оставалось господствующим слоем не только в локальных и региональных рамках, но служило в качестве резервуара для фюрингсгрупп надрегionalного уровня, например, офицерского корпуса. Феномен «дворянского ренессанса» на позднем этапе развития XVI в. проявился также после 30-летней войны, Венского конгресса, а также в годы так называемого “Umgründung” (т.е. изменений правового положения бисмарковского рейха 1878 г.);

3) для германской буржуазии как потенциальной общественной и политической элиты было характерно относительное отставание. Она смогла осуществить прорыв к фюрингсгосподству только после 1918 г. В отличие от Англии в старой Германии отсутствовала общенациональная парламентская традиция, конституционная система бисмарковского рейха отгородила парламент и исполнительную власть, переход от парламентской карьеры к административному руководящему положению был невозможен. Возникновение чувства политической ответственности в рейхстаге, по меньшей мере, было затруднено;

4) индустриализация Германии стала исходным пунктом для глубокого поворота в элитообразовании. Это означало рекрутирование новой элиты с новым самовосприятием, связанным с достижением успеха, которая находила возможности для развития в образовании, промышленности, самоуправлении, в то время как дворянство сохранило свои господствующие позиции в государственном управлении и не допускало ее туда. В новых условиях традиционный оценочный критерий притязаний на наследование был оттеснен на второй план проверкой успеха через экзамен. Чисто функциональные фюрингсгруппы сменили традиционные фюрингсшихтен;

5) характерной чертой являлось существование сильной региональной дифференциации по формам рекрутирования элит в Германии. Региональная дифференциация Германии вплоть до XX в. препятствовала не только дальнейшему общественному продвижению, но также осложнила вообще становление типичных процессов в элитообразовании. Конфессиональный раскол обострил региональные различия в общественной сфере. Рост числа протестантов, изгнанных из Богемии и Зальцбурга в XVII–XVIII в., на руководящих постах создал феномен, который мог появиться только в протестантской Германии. Положение евреев как потенциальной элиты сильно зависело от окружения. Возможности для социального подъема выглядели в южной Германии по-иному, чем на востоке рейха. Высокий состав дворянства в прусском управлении не являлся типичным для всей Германии. Так, в Вюртемберге буржуазия, прежде всего, предприниматели, играла руководящую роль в отдельных городах с XVI до XIX в. Очень по-разному разряжались напряженные отношения между элитарным самосознанием отдельных слоев общества и их общественно-политической ролью.

Данные особенности сказались на политической элите в годы Веймарской республики. По мнению ряда германских историков, характерными признаками политической элиты Веймарской республики, как и во время кайзеровского рейха, являлись неизменно консервативные, даже реакционные традиции и основные действия. «Конвергенция между дворянством и военными отразилась при этом в наибольшей мере в ценностном сознании». Политические элиты отличались отсутствием либерально-демократических традиций и интеграцией национально-либеральных традиций первоначально в монархическую, позднее в авторитарную систему. Политические элиты ориентировались на властное, руководящее государство, стремились сделать карьеру в этом государстве, стабилизировать свое положение. Ограничению социал-демократического участия в управлении способствовал союз с наследственной элитой [13, 33 ff.].

Германский исследователь Т. Шидер [9, 15 f.] сделал интересное наблюдение, что «в Германии отсутствовали изменения в элитах на революционной основе: ни в период прусских реформ 1808–1809 гг., ни в 1848–1849, ни в 1918–1919 гг. таких последствий не было...» «Германия осталась в целом без поворота слоев с помощью

революции, "страной без революции"», – констатирует Шидер. Высказанная идея о поворотах в развитии элит с начала 1990-х гг. способствовала появлению в течение последующих 20 лет в рамках проекта "Elitenwandel in der Moderne" чрезвычайно интересных монографий германских историков (под общей редакцией Хайнца Райфа) [5], которые анализируют изменение статусного положения дворянства в конце XIX – начале XX вв.

Итак, Германия осталась без революционных «поворотов», но с ... «переломами». Историки, как и социологи, больше заняты изучением социального подъема, взаимопроникновением слоев, только они скептически настроены по отношению к тем моделям, которые распространены в социологии, (концепция элит и контрэлит или циркуляции элит), но проявляют большой интерес к проблеме переломов (Umbuchs) в развитии элит. В 2000 г. германский исследователь Х.У. Велер [18] поставил вопрос, что происходит с элитами во время переломных отношений, как широко они могут влиять на трансформационный процесс перелома. Датой переломов в развитии германских элит считают: 1871, 1918, 1933, 1948 или 1914, 1932, 1939 гг., а также 1968 и 1989–1990 гг.

За вторую половину 1990-х гг. – первое десятилетие XXI в. поток исследований по элитам вообще и по элитам Германии, главным образом ФРГ, резко возрос. Особенно следует отметить исследования по элитам в области социальной истории. Исследования германских историков в начале XXI в. позволяют сказать о том, что постепенно они приобретают смелость, определяя объекты исследования элит, особенно властных элит. Первоначально в отличие от социологии и политологии в исторических науках элитосфокусированные исследования являлись очень редкими. В этой связи примечательно то, что тема властных элит и процесса образования государства была опубликована не исследователями современности, а историками раннего Нового времени [14]. Теперь же ряд германских исследователей подступили к ранее «нелюбимой» теме Веймарской республики, стараясь отойти от ранее традиционных оценок элиты этого времени.

Так, известный германский историк Хорст Меллер высказал смелую мысль, анализируя архивные документы по итогам Первой мировой войны. Он утверждает, что лишь через много лет открытые архивы показали, что Германия не несет одна всю ответственность, но очень сильную германскую со-ответственность. Если в целом процесс познания германской внешней политики начала XX в. был позитивным, по его мнению, так как он лишил почвы гипотезу о невиновности германской политики в первой трети XX в., то исследование Фишера является проблематичным, так как оно почти всю внешнюю политику германского рейха и Веймарской республики, как и их политическую элиту, объявило предысторией фактически ни с чем несравнимой империалистической и расистской, «германской политики завоевания большого пространства» Гитлера [11, 5 ff.].

Исследователь Б.-К. Зеэман поставила вопрос о роли парламентских фюрунгсгрупп, представлявших в веймарской Германии потенциальных антагонистов традиционным элитам среди военных и управленцев. Она указывает, что «до сих пор нет исследований, которые бы показали поворот этой части элит в историческом ракурсе и рассмотрели их дифференцированно». Это явный недостаток, так как переход к обществу свободных и политически ответственных граждан в условиях существования репрезентативного органа не мог быть осуществлен только через дальновидный компромисс с традиционными носителями власти. Имелись в наличии и другие политические групповые представители репрезентативной демократии, имевшие пусть небольшой, но конфликтный потенциал. Вопрос о причинах слабости конфликтного потенциала парламентских фюрунгсгрупп может помочь, по мнению Б.-К. Зеэман, выяснить причины крушения репрезентативных институтов Веймарской республики [7, с. 27].

Представленные точки зрения позволяют говорить о том, что в настоящее время в Германии проявился интерес рассмотреть в историческом плане более широко ту часть правящей политической элиты, которая пыталась развить демократические

традиции германской истории. Если же выходить за рамки властных элит, то речь идет также и о появившихся в конце XIX в. так называемых «новых» элитных группах, к которым, например, можно отнести руководителей профсоюзов, журналистов, представителей успешной еврейской элиты, женщин.

В целом можно констатировать, что в начале XXI в. соотношение между теоретическими и эмпирическими исследованиями элит в Германии меняется в сторону последних, где историки занимают достойное место.

Библиографический список

1. **Beume K. von** Die politische Elite in der Bundesrepublik Deutschland / K. von Beume. – München : Piper, 1971. – 240 S.
2. **Brunner O.** Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Bände. – Stuttgart, 1974–1997.
3. **Das Elite-problem** heute // Jahrbuch der Rankegesellschaft. – 1957. – № 3.
4. **Deutsche** Führungsschichten in der Neuzeit, im Antrage der Ranke-Gesellschaft und des Institutes zur Erforschung historischer Führungsschichten hrsg / Franz von Günter. – Limburg, 2000. – Bd. 1–11.
5. **Elitenwandel** in der Moderne : 11 Bd. / Die Wissenschaftsverlage der Oldenbourg Gruppe. – Berlin : Akademie Verlag, 2001–2011.
6. **Fischer F.** Bündnis der Eliten. Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871–1945 / F. Fischer. – Düsseldorf, 1979.
7. **Führer K. C.** Eliten im Wandel gesellschaftliche Führungsschichten im 19. und 20. Jahrhundert ; für Klaus Saul zum 65. Geburtstag Hrsg / K. C. Führer. – Münster : Westfäl. Dampfboot, 2004.
8. **Herber R.** Die wachsende Führungsrolle unsere Partei / R. Herber // Einheit. – 1965. – 20. Jg, H. 1. – S. 3.
9. **Hofmann H. H.** Deutsche Führungsschichten in der Neuzeit. Eine Zwischenbilanz; Bädinger Vorträge 1978 / H. H. Hofmann. – Boldt : Boppard am Rhein, 1980. – 207 S.
10. **Kroener B. R.** Generationserfahrungen und Elitenwandel / B. R. Kroener // Hudemann, R. Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20. Jahrhundert. Strukturen und Beziehungen. – München : Oldenbourg, 1994. – Bd. 1. – S. 219–233.
11. **Möller H.** Die historische Erinnerungen und die Archive / H. Möller // Menne-Haritz, A. Hofmann, R. Archive im Kontext Öffnen, Erhalten und Sichern von Archivgut in Zeiten des Umbruchs. – Düsseldorf : Droste Verlag, 2010. – S. 5–12.
12. **Pritzkoleit K.** Männer Mächte Monopole. Hinter den Türen der westdeutschen Wirtschaft / K. Pritzkoleit. – Düsseldorf : Karl Rauch Verlag, 1953.
13. **Rainer S. E.** Eliten in gesellschaftlichen Umbruchs Verhältnissen / S. E. Rainer // Wiesendahl, E., Eliten in der Transformation von Gesellschaft und Bundeswehr. – München [u.a.] : Schöningh, 2007. – S. 33–47.
14. **Reinhard W.** Augsburgs Eliten des 16. Jahrhunderts. Prosopographie wirtschaftlicher und politischer Führungsgruppen 1500–1620 / W. Reinhard, M. Häberlein. – Berlin, 1996.
15. **Reitmayer M.** Sozialgeschichte einer politisch-gesellschaftlichen Idee in der frühen Bundesrepublik / M. Reitmayer. – München : R. Oldenbourg Verlag, 2009. – S. 383.
16. **Sonntag H.** Stellung und Funktion der obersten Manager führender Industriemonopole im Herrschaftssystem des Imperialismus der Bundesrepublik Deutschland / H. Sonntag. – Leipzig, 1975.
17. **Voigt D.** Elite in Wissenschaft und Politik. Empirische Untersuchungen und theoretische Ansätze / D. Voigt. – Berlin : Duncker & Humblot, 1987. – S. 282.
18. **Wehler H.-U.** Umbruch und Kontinuität. Essays zum 20. Jahrhundert / H.-U. Wehler. – München, 2000.
19. **Wiesendahl E.** Eliten in der Transformation von Gesellschaft und Bundeswehr / E. Wiesendahl. – München [u.a.] : Schöningh, 2007.
20. **Zapf W.** Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen. 1919–1961. – München : R. Piper & Co Verlag, 1965.